

УДК 83.10

DOI: 10.31029/vestiyali26/4

АНТИПОВЕСТЬ МАГОМЕД-РАСУЛА «ЯСНОВИДЯЩИЙ ДУРАК»

З. К. Магомедова,

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

В статье рассматривается повесть Магомед-Расула, где писатель избирает новый угол зрения на реалии постсоветского периода. Это выражается в жанровой и композиционной структуре произведения. Повесть представляет собой метатекст, состоящий из ряда микротекстов, которые объединены отношением автора к описываемым событиям.

Ключевые слова: переоценка ценностей, цикл новелл, жанровые границы, фольклорные вкрапления.

The article deals with the narrative of Magomed-Rasul, where the writer chooses the new angle of view on the realities of the post-Soviet period. This is expressed in the genre and compositional structure of the work. The narrative is a metatext, consisting of several microtexts, which are united by the author's attitude to the events described.

Key words: change of world view, cycle of short stories, genre boundaries, folklore inclusions.

В 90-е годы минувшего века на волне перестроечного интереса к документальной публицистической, мемуарной литературе, переоценке ценностей привлекли к себе внимание книги писателей, бывших некогда выразителями идейных установок официальной культуры. Собственно, других в национальных литературах и не было. Все решала степень художественного мастерства и наличие своих, оригинальных суждений во взгляде на то или иное явление жизни.

Народный писатель Магомед-Расул (Расулов Магомед-Расул Расулович) известен как прозаик и публицист, автор повестей, романов, рассказов. В его статьях, очерках, эссе, рассказах, опубликованных в газетах и журналах, по-журналистски броских и к тому же небеспристрастных, всегда находились темы, интересующие не только массового читателя, тут был материал для размышления и для литераторов, политиков, социологов. Как бы банально не звучала фраза о вечных вопросах бытия, но именно эти вопросы часто становятся стержневыми в его произведениях. Ему не была чужда публицистическая резкость, но он находил интонацию, приемлемую для любого уровня читателей. В целом же художественная проза Магомед-Расула была выдержана в романтическом ключе, романтизм – неотъемлемая часть и его статей, эссе, эпистолярного творчества.

Кризис советской системы ознаменовал собой кризис романтизма, но элементы романтизма, исконно свойственные природе национального художественного мышления, остались неизменным атрибутом дагестанских писателей. Не был исключением и Магомед-Расул.

Как и многие его собратья по перу, Магомед-Расул постепенно освобождался от влияния постулатов соцреализма, стал чаще обращаться к темам, где значительную роль играет публицистический, остросоциальный субстрат. Но правда и то, что эта его проза отличается достаточной степенью защищенности. Он знает, до какого предела можно позволить быть себе откровенным. Это вполне объяснимо – писатель формировался в духовном поле социалистического мировосприятия. В таких условиях даже самая простая откровенность требовала от писателя интеллектуального и гражданского мужества.

В ситуации, когда беллетристика просчитываемая насквозь, когда интерес к сугубой художественности катастрофически снизился, Магомед-Расул, подобно другим художникам слова, ищет новые формы для воплощения того, что должно было составить новое содержание. Это стремление очевидно просматривается в его сборнике под названием «Ясновидящий дурак. Антиповесть». Это цикл новелл, объединенных образом автора, каждая из которых, являясь микротекстом, имеет свою сюжетно-повествовательную и композиционную завершенность. Все они связаны между собой образом повествователя, и все им рассказанное – эпизоды его собственной жизни.

Столь же очевиден факт, что в попытках воплощения нового содержания получается новая форма, а иногда лишь одна она.

Само название его книги несет в себе элемент эпатажа, приправленного изрядной долей авторского кокетства. Дурак – это автор о себе, но не простой – ясновидящий.

В сборник включены и «Письма дилетанта», адресатом которых стали известные писатели прошлого (А. П. Чехов, И. А. Бунин, Э. М. Капиев) и современности – Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Отар Чиладзе, Лидия Чуковская.

«Ясновидящий дурак» имеет еще и жанровое определение – «антиповесть». Во всех этих экспериментах с названиями просматривается прием отрицания значимости произведения, что является своеобразной страховкой – коль скоро названия полушутливые, значит и претензий серьезных быть не может.

Определить жанр, в котором выдержан сборник «Ясновидящий дурак», трудно, ничего общего ни с повестью, ни с «антиповестью» здесь нет ни по каким признакам. Это эссе, этюды, художественные очерки, мемуары, «записки литературного человека». Ясно одно – автор попытался сконструировать некое единое произведение, которое не противоречило бы общепринятым условностям, стало бы цельной и неделимой книгой. Привнесение единой сюжетной логики, подгонка и увязка частей неминуемо приводит к необходимости использования какого-либо структурообразующего приема. Чаще всего это небольшое резюме после каждого рассказа. В результате в книге собрано двадцать два небольших этюда, с собственным названием, автономным содержанием и эпилогом. В качестве эпилога использованы цитаты великих мыслителей прошлого и настоящего. В тексте эти цитаты никоим образом не обыграны, связаны с текстом лишь по касательной и служат своего рода рефреном.

Можно сказать, что свои жизненные наблюдения, размышления писатель попытался воплотить в эссе, одновременно философском и эмоциональном. Можно также сказать, что это всего лишь личный комментарий к знаменитым своей многовековой мудростью цитатам.

Когда идет речь о произведениях подобного плана, с размытыми жанровыми границами, с отсутствием ясно выраженного сюжетного стержня, актуальным становится вопрос о правильном прочтении и правильном понимании текста. «Правильное» не означает единственно верное, «правильное» нужно понимать как такое, которого хотел автор. Читатель же, по крайней мере, должен понять чего от него хотят. Чтобы не вводить в заблуждение читателя собственными рассуждениями на многие личные и общественные темы, автор умело корректирует свои высказывания посредством цитирования мыслей классиков.

Действующие лица рассказов (этюдов) Магомед-Расула на протяжении всего произведения остаются неизменными. Это он сам, его внуки, жена. Порой внимание писателя переключается на воспоминания собственного детства и юности, о матери, родственниках. Время от времени в тексте встречаются культурно-исторические реминисценции, а также фольклорные вкрапления. На страницах книги соседствуют имена Монтеня, Калигулы, Ницше с его Заратустрой, Л. Толстого, Юлия Цезаря, Сталина, Канта и многих других.

В основном завязка каждого из рассказов происходит в кухне писателя в ходе беседы с его малолетним внуком, которому посвящено немало страниц книги.

Количество эпизодов, посвященных взаимоотношениям Магомед-Расула с внуками, а особенно с внуком, диалогов между ними, сравнимо лишь с количеством цитат, вводимых

им в повествование. Подобная установка заявлена с самого первого эпизода. «Долго думал, с чего начать. Хотелось с самого дорогого, сокровенного.

Стал вспоминать детство. Думал о матери. Об отце, которого не помню я в лицо. О близких, ушедших из жизни, и о здравствующих.

Предался воспоминаниям, но они не брали за душу, не готовы были выплеснуться на бумагу» [1, с. 10–11].

Удивляет смелость автора, рискнувшего так много и подробно говорить о том, что большинству читателей и так хорошо знакомо по собственному житейскому опыту. Со времен Корнея Чуковского, его «От двух до пяти», в литературе трудно встретить столь подробное описание естественного в своей наивности и мудрости детского лепета. Это сочетание обыкновенности, доходящей порой до банальности, и в то же время необыкновенной значительности, приписываемой происходящему, кажется довольно странным.

Впрочем, это может оказаться композиционным приемом, который позволяет писателю отталкиваться в своих рассуждениях о смысле жизни от незамутненных истоков детского мировоззрения. Ведь приводит же он цитату из Джона Рескина: «Как ужасен был бы мир, если бы не рождались постоянно дети, несущие с собой невинность и возможность всякого совершенства» [1, с. 12].

Магомед-Расул никак не может расстаться с греющими его души эпизодами из домашней жизни, вставляя их вновь и вновь по поводу и без него во многие рассказы. Резюмируя сценку с участием писателя Магомеда Ахмедова и внука Асланбека, очередной раз показывая проявление самостоятельного характера малыша, он пишет: «Во всем этом видится мне не только и не столько игра обостренного любопытства и сметливого ума ребенка, сколько процесс развития его сознания, предопределенного как генетическими данными, так и сопутствующими ему внешними условиями» [1, с. 14].

Себя писатель называет в данных ситуациях «занозистым старичком», удивляясь при этом детскому великодушию, позволившему приобщить «дедулика» к бесхитростно-прозрачному детскому миру.

Те же сусальные интонации звучат в рассказе «Чудак», где писатель путем сопоставления уровня развития своего в нежном возрасте и своего внука, который в пятилетнем возрасте имеет доступ к «Супер-книге» (Библии), рассуждает о Христе («Чудак был, дедулик, Чудак!»), приходит к выводу о том, что «круг моих тогдашних интеллектуальных интересов не может сравниться с кругозором моего внука, хотя этим я отнюдь не намерен приbedнять свое детство и выставлять как оправдательный документ.

Вопреки всему, и мое детство было не менее содержательным и интересным, чем детство внука» [1, с. 21].

Отталкиваясь от этих слов, писатель переходит к описанию образа жизни своих односельчан, его самого, но не в бытовом плане, а в ракурсе нравственно-этическом.

Автору порой изменяет чувство меры и вкуса, когда он подробно излагает свою точку зрения на «сейчас» и «раньше». При этом вместо прежних остроумных наблюдательных и ироничных комментариев говорящего, на читателя обрушиваются сплошные поучительные монологи, приправленные опять-таки цитатами из великих:

«В мое время потерявшему честь не подавали руки.

Ныне кодекс чести настолько изменился, настолько стал облегченно удобным, податливым, что понятия “достоинство и справедливость”, являющиеся его составными частями, как бы растаяли и испарились, оставив для самоутешения словесную оболочку, мишуру, шелуху.

Потерявший честь ныне не мучается угрызениями совести, но ходит гоголем!

Как не вспомнить Канта, который писал: “Когда справедливость исчезнет, то не останется ничего, что могло бы придать ценность жизни людей”.

А кто думает сегодня о ценности жизни?» [1, с. 23].

Вопрос писателя провисает в воздухе. Впрочем он своей книгой как раз и хочет восполнить этот пробел. Для этого он использует разные, порой кажущиеся несовместимыми

в литературном произведении приемы. Одним из таких приемов является повышенная реминисцентность, частые аллюзии и цитаты. Вопрос заключается в том, насколько умело дозирует писатель составные части своего повествования. Может быть, начитанность автора была бы более утомительной, если бы не его умение органично сопоставлять разговор о бытовых реалиях с раздумьями о жизни духовной, проводить аналогии повседневной жизни с устоявшимися образцами классической философии. Может быть, повествование стало бы менее интересным, если бы в перемежающихся подробностях из истории культуры, просто историях, кусках жизни было бы меньше жизни, если бы цитатность вместе с памятью не составляли некое единое целое, подкрепленное авторской устремленностью и поисками истины, смысла, ценности жизни.

«Говорят, истина – удел немногих, заблуждение же обычно и повсеместно.

Наверное, так оно и есть.

Заблуждался нередко.

Да и впредь не застрахован.

Но и до истины не докопался.

Прожив на свете с полвека, так и не понял, когда жизнь моя была истинной, когда ложной.

А если совсем откровенно, все же мне казалось, что я живу истинной жизнью. И тогда, когда поступал как подсказывала совесть, и тогда, когда (вольно или невольно) шел с ней на какую-то сделку.

Довольно легко находил оправдание своему поступку, когда сбивался с пути.

Кто-то может подумать: “Ну что ты мудришь, усложняешь простые вещи? Со всеми ведь так происходит?” На деле не так просто, как кажется на первый взгляд» [1, с. 251].

Заключительный рассказ сборника под одноименным со сборником заглавием «Ясновидящий дурак» – попытка подвести итог духовным поискам, найти ответы на тревожащие душу вопросы. Это своего рода итог раздумий писателя о Боге, о человеке, о своем месте в этом мире. Одновременно это и филологическая игра, чередование нетрадиционно построенных фраз использование новых стилистических приемов, рубленые предложения, кажущаяся их обрывочность. Эта попытка преодолеть ставшую привычной каноничность, заданность выглядит недостаточно убедительно. При всех новаторских изысках рассказа совершенно очевидно, что верный себе автор обладает довольно цельной системой взглядов, отчетливой концепцией, которые и воспроизводит снова и снова по поводам и без повода. У него нет проблемы с наличием интересных мыслей, навеянных многочисленными извлечениями из классической философии, а также собственных, выстраданных в часы и дни писательских раздумий. Он приходит к выводу:

«Никому ничего само собой не дается.

Беда в том, что человек,

Как существо эгоистическое,

Часто мнит себя не тем,

Кто он есть на самом деле. Будь он

Самой выдающейся личностью,

Ясновидящим всех времен

Или просто дураком

Двадцатого века –

Таким,

Каким

Является

Ваш

Покорный слуга

Магомед-Расул.

Настоящий дурак,

Между прочим...» [1, с. 254]

Этот монолог выполнен в стиле классического речитатива юродивого, но здесь просвечивает и литературная традиция европейской литературы. Налицо явное типологическое схождение с речью Кола Брюньона из одноименного бессмертного произведения Романа Роллана.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Магомед-Расул*. Ясновидящий дурак: [Антиповесть]; Письма дилетанта. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1994. 413 с.

Поступила в редакцию
21. 03. 2021.

Магомедова Зулехат Кадиевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН;
e-mail: m.zuleyha68@mail.ru

Magomedova Zuleikhat Kadiyevna, Doctor of Philology, chief researcher, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS;
e-mail: m.zuleyha68@mail.ru